

Два Ивана-Солдатскихъ сына.

Ниль-быль въ нѣкоторомъ царствѣ мужикъ. Пришло время—записали его въ солдаты; оставляетъ онъ жену, сталъ съ нею прощаться и говорить: «смотри, жена! живи хорошенько, добрыхъ людей не смѣши, домишка не раззори, хозяйничай да меня жди; авось Богъ дастъ—выйду въ отставку, назадъ прійду. Вотъ тебѣ пятьдесятъ рублей; дочку ли, сына ли родишь—все равно, сбереги деньги до возраста: станешь дочь выдавать замужъ—будетъ у ней приданое; а коли Богъ сына дастъ да войдетъ онъ въ большіе года—будетъ и ему въ тѣхъ деньгахъ подспорье немалое». Попрощался съ женою и пошелъ въ походъ, куда было велѣно. Мѣсяца три спустя, родила баба двухъ близнецовъ-мальчиковъ и назвала ихъ Иванами-солдатскими сыновьями. Пошли мальчики въ

ростъ: какъ пшеничное тѣсто на опарѣ, такъ кверху и тянутся. Стукнуло ребятамъ десять лѣтъ, отдала ихъ мать въ науку; скоро они научились грамотѣ, и боярскихъ, и купеческихъ дѣтей за поясъ заткнули — никто лучше ихъ не сумѣетъ ни прочесть, ни написать, ни отвѣту дать. Выросли два Ивана-солдатскіе сына и просятъ у матери: «матушка! не осталось-ли отъ нашего родителя какихъ денегъ? Коли остались, дай намъ; мы пойдемъ въ городъ на ярмарку, купимъ себѣ по доброму коню». Мать дала имъ пятьдесятъ рублей—по двадцати пяти на брата—и приказываетъ: «слушайте, дѣтушки! какъ пойдете въ городъ, отдавайте поклонъ всякому встрѣчному и поперечному». — «Хорошо, родимая!»

Вотъ, отправились братья въ городъ, пришли на конную, смотрятъ — лошадей много, а выбрать не изъ чего; все не-подѣ-стать имъ добрымъ молодцамъ! Говорить одинъ братъ другому: «пойдемъ на другой конецъ площади; глядь-ко, что народу тамъ толнится—видимо невидимо!» Пришли туда, протолпились — у дубовыхъ столбовъ стоятъ два жеребца, на желѣзныхъ цѣпяхъ прикованы: одинъ на шести, другой на двѣнадцати; рвутся кони съ цѣпей, удила кусаютъ, роютъ землю копытами. Никто подойти къ нимъ близко не сможетъ. «Что твоимъ жеребцамъ цѣна будетъ?» спрашиваетъ Иванъ-солдатской сынъ у хозяина. — «Не съ твоимъ, братъ, носомъ соваться сюда! Есть товаръ, да не по тебѣ; нечего и спрашивать». — «Почомъ знать, чего не вѣдаешь! Можетъ, и купимъ; надо только въ зубы посмотрѣть». Хозяинъ усмѣхнулся: «смотри, коли головы не жаль!» Тотчасъ

одинъ братъ подошелъ къ тому жеребцу, что на шести цѣпяхъ былъ прикованъ; а другой братъ — къ тому, что на двѣнадцати цѣпяхъ держался. Стали было въ зубы смотрѣть—куда! Жеребцы поднялись на дыбы, такъ и храпятъ... Братья ударили ихъ колѣнками въ грудь — цѣпи разлетѣлись, жеребцы на пять сажень отскочили, вверхъ ногами попадали. — «Вона! чѣмъ расхвастался! Да мы эдакихъ клячей и даромъ не возьмемъ». Народъ ахаетъ, дивуется: что за сильные богатыри проявились! Хозяинъ чуть не плачетъ: жеребцы его поскакали за городъ и давай разгуливать по всему чистому полю; приступить къ нимъ—никто не рѣшается, какъ поймать—никто не придумаетъ. Сжалились надъ хозяиномъ Иваны-солдатскіе дѣти, вышли въ чистое поле, крикнули громкимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ—жеребцы прибѣжали и стали на мѣстѣ, словно вкопанные; тутъ надѣли на нихъ добрые молодцы цѣпи желѣзные, привели ихъ къ столбамъ дубовымъ, и приковали крѣпко-накрѣпко. Справили это дѣло и пошли домой. Идутъ путемъ-дорогою, а на встрѣчу имъ сѣдой старичокъ; позабыли они—что мать наказывала, и прошли мимо, не здороваясь, да ужъ послѣ одинъ спохватился: «ахъ, братецъ! что-жъ мы это надѣлали? Старичку поклона не отдали; давай нагонимъ его да поклонимся». Нагнали старика, сняли шапочки, кланяются въ поясъ и говорятъ: «прости насъ, дѣдушка! что прошли, не здоровались. Намъ матушка строго наказывала: кто-бъ на пути ни встрѣтился, всякому честь отдавать». — «Спасибо, добрые молодцы! куда васъ Богъ носилъ?» — «Въ городъ на ярмарку ходили; хотѣли купить собѣ по доброму коню, да такихъ нѣтъ, чтобъ намъ

пригодились». — «Какъ-же быть? Нешто подарить вамъ по лошаdkѣ?» — «Ахъ, дѣдушка! если подаришь, станемъ за тебя вѣчно Бога молить». — «Ну, пойдемте!» Привелъ ихъ старикъ къ большой горѣ, отворяетъ чугунную дверь и выводитъ богатырскихъ коней: «вотъ вамъ и кони, добрые молодцы! Ступайте съ Богомъ, владѣйте на здоровье!» Они поблагодарили, сѣли верхомъ и поскакали домой; пріѣхали на дворъ, привязали коней къ столбу, и вошли въ избу. Начала мать спрашивать: «что, дѣтушки, купили себѣ по лошаdkѣ?» — «Купить не купили, даромъ получили». — «Куда-жъ вы ихъ дѣли?» — «Возлѣ избы поставили». — «Ахъ, дѣтушки! смотрите—не увелъ бы кто?» — «Нѣтъ, матушка! не таковыя кони: не то что увести, и подойти къ нимъ нельзя! Мать вышла, посмотрѣла на богатырскихъ коней и залилась слезами: «ну, сынки! вѣрно вы не кормильцы мнѣ?»

На другой день просятся сыновья у матери: «отпусти насъ въ городъ, купимъ себѣ по мечу». — «Ступайте, родимые!» Они собрались, пошли на кузницу; приходятъ къ мастеру: «сдѣлай», говорятъ, «намъ по мечу». — «Зачѣмъ дѣлать! есть готовые; сколько угодно — берите!» «Нѣтъ, братъ! намъ такія надобны, чтобъ по десяти пудовъ вѣсили». — «Эхъ, что выдумали! Да кто-жъ эдакую машину ворочать будетъ? Такихъ ни у кого не найдешь!» Нечего дѣлать—пошли добрые молодцы домой и головы повѣсили; идутъ путемъ-дорогою, а на встрѣчу имъ опять тотъ-же старичокъ попадаетъ. — «Здравствуйте, молодые юноши!» — «Здравствуй, дѣдушка!» — «Куда ходили?» — «Въ городъ, на кузницу; хотѣли купить себѣ по мечу булатному, да та-

кихъ нѣтъ, чтобъ намъ по рукѣ пришлось». — «Плохо дѣло! нешто подарить вамъ по мечу?» — «Ахъ, дѣдушка! коли подаришь, станемъ за тебя вѣчно Бога молить». Старичокъ привелъ ихъ къ большой горѣ, отворилъ чугунную дверь, и вынесъ два богатырскихъ меча. Братья взяли ихъ, старика поблагодарили, и радостно, весело у нихъ на душѣ стало! Приходятъ домой, мать спрашиваетъ: «что, дѣтушки, купили себѣ по мечу?» — Купить не купили, даромъ получили. — «Куда-жъ вы ихъ дѣли?» — «Возлѣ избы поставили». — «Смотрите, какъ бы кто не унесъ?» — «Нѣтъ, матушка! не то что унести, даже увезти нельзя». Мать вышла на дворъ, глянула—два меча тяжелыхъ, богатырскихъ стѣиѣ приставлены,—едва

избушка держится! Залилась старушка слезами и говорить: «ну, сынки! вѣрно вы не кормильцы мнѣ?»

На утро Иваны-солдатскіе дѣти осѣдлали своихъ добрыхъ коней, взяли свои мечи богатырскіе, приходятъ въ избу, Богу молятся, съ родной матерью прощаются: «благослови насъ, матушка, въ путь-дорогу дальнюю». — «Будь надъ вами, дѣтушки, мое нерушимое родительское благо-

словеніе! Поѣзжайте съ Богомъ, себя покажите, людей посмотрите; напрасно никого не обижайте, а злымъ врагамъ не уступайте». — «Не бойся, матушка! У насъ такова поговорка есть: ѣду—не свищу, а наѣду не спущу!» Съѣли добрые молодцы на коней и поѣхали. Близко-ли, далеко, долго-ли, коротко, скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается, пріѣзжаютъ они на распутіе, и стоятъ тамъ два столба. На одномъ столбѣ надписано: «кто вправо поѣдетъ, тотъ царемъ будетъ; на другомъ столбѣ надписано: кто влѣво поѣдетъ, тотъ убить будетъ». Остановились братья, прочитали надписи и призадумались: куда кому ѣхать? Коли обоимъ по правой дорогѣ пуститься—не честь не хвала богатырской ихъ силѣ, молодецкой удали; ѣхать одному влѣво — никому помереть не хочется! И говоритъ одинъ изъ братьевъ другому: «ну, братецъ! я посильнѣе тебя; давай я поѣду влѣво да посмотрю, отчего можетъ мнѣ смерть приключиться? А ты поѣзжай направо: авось Богъ дастъ—царемъ сдѣлаешься!» Стали они прощаться, дали другъ дружкѣ по платочку и положили такой завѣтъ: ѣхать каждому своею дорогою, по дорогѣ столбы ставить, на тѣхъ столбахъ про себя писать для знатя-для-вѣдома; всякое утро утирать лицо братнинымъ платкомъ: если на платкѣ кровь окажется—значить брату смерть приключилась; при такой бѣдѣ ѣхать мертвого розыскивать. Разъѣхались добрые молодцы въ разные стороны. Что вправо коня пустилъ, тотъ добрался до славнаго царства. Въ этомъ царствѣ жилъ царь съ царицею, а у нихъ была дочь царевна Настасья Прекрасная. Увидалъ царь Ивана-солдатскаго сына, полюбилъ его за удалъ богатырскую и, долго не ду-

мая, отдалъ за него свою дочь въ супружество, назвалъ его Иваномъ-царевичемъ и велѣлъ ему управлять всѣмъ царствомъ. Живетъ Иванъ-царевичъ въ радости, своей женою любитъся, царству порядокъ даетъ, да звѣриной охотою тѣшитъ.

А братъ его, Иванъ-солдатской сынъ, что лѣвой дорогой поѣхалъ, день и ночь скакалъ безъ устали; прошелъ мѣсяць, и другой, и третій, и прибылъ онъ въ незнакомое государство — прямо въ стольной городъ. Въ томъ государствѣ печаль великая; дома чернымъ сукномъ покрыты, люди, словно сонные, шатаются. Нанялъ себѣ самую худую квартиру у бѣдной старушки, и началъ ее выспрашивать: «разскажи, бабушка, отчего такъ въ вашемъ государствѣ весь народъ припечалился и всѣ дома чернымъ сукномъ завѣшаны?» — «Ахъ, добрый молодецъ! великое горе насъ обуяло: каждой день выходить изъ синяго моря, изъ-за сѣраго камня, двѣнадцатиглавой змѣй и поѣдаетъ по человѣку за единый разъ; теперь до царской семьи дошла очередь... Есть у него три прекрасныя царевны; вотъ только сейчасъ повезли старшую на взморье — змѣю на съѣденіе». Иванъ-солдатской сынъ сѣлъ на коня и поскакалъ къ синему морю, къ сѣрому камню; на берегу стоитъ прекрасная царевна — на желѣзной цѣпи прикована. Увидала витязя и говоритъ ему: «уходи отсюда, добрый молодецъ! Скоро прійдетъ сюда, двѣнадцатиглавый змѣй; я пропаду, да и тебѣ не миновать смерти: съѣстъ тебя лютой змѣй!» — «Не бойся, красная дѣвица! Авось подавится?» Подошелъ къ ней Иванъ-солдатской сынъ, ухватилъ цѣнь богатырской рукою и разорвалъ на мелкія час-

ти, словно гнилую бичевочку; послѣ того развелъ около камня большой огонь, дубки, сосенки съ корнями выворотилъ, къ огню ихъ стащилъ, въ костеръ навалилъ и пришелъ къ красной дѣвицѣ, легъ головой къ ней на колѣни, говоритъ ей: «я отдохну, а ты на море смотри: какъ только туча взойдетъ, вѣтеръ зашумитъ, море всколыхается — тотчасъ разбуди меня молодца». Сказалъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ; а красная дѣвица послушалась, сидитъ, на море смотритъ. Вдругъ туча нагнулась, вѣтеръ зашумѣлъ, море всколыхалось — изъ синя моря змѣй выходитъ, въ гору (вверхъ) подымается. Стала царица будить Ивана-солдатскаго сына, толкала-толкала, нѣтъ — не просыпается; заплакала она слезно и канула горячая слеза ему на щеку; отъ того богатырь проснулся, подбѣжалъ къ своему коню, а добрый конь уже на полъ-аршина земли подъ собой выбилъ копытами. Летитъ прямо на него двѣнадцатиглавой змѣй, огнемъ такъ и пышетъ; взглянулъ на богатыря, и воскликнулъ: «хорошъ ты, пригожъ ты, доброй молодецъ, да не быть тебѣ живому! Прощайся съ бѣлымъ свѣтомъ, полѣзай поскорѣе самъ въ мою глотку!» — «Врешь; проклятый змѣй! подавишься.» Начали они биться смертнымъ боемъ; Иванъ-солдатской сынъ такъ быстро и сильно махалъ своей саблею, что она до красна раскалилась — нельзя въ рукахъ держать! Взмолился онъ царицѣ: «спасай меня, красная дѣвица! Сними съ себя дорогой платочекъ, намочи въ синемъ морѣ и дай обернуть саблю». Царица тотчасъ намочила свой платочекъ и подала доброму молодцу. Онъ обернулъ саблю и давай рубить змѣя; да видитъ, что мечемъ со

змѣемъ неуправиться будетъ... Выхватилъ онъ изъ костра обгорѣлую сосну, вышибъ, выжегъ ею глаза у змѣя, потомъ срубилъ ему всѣ двѣнадцать головъ, головы тѣ подъ камень положилъ, туловище въ море бросилъ, а самъ домой поскакалъ, наѣлся-напился и залегъ спать на трои сутки.

Въ то время призвалъ царь водовоза: «ступай», говорить, «на взморье, собери тамъ хоть царевнины косточки». Приѣхалъ водовозъ на взморье; видитъ — царевна ни въ чемъ невредима; посадилъ онъ ее на телѣгу и повезъ въ дремучій лѣсъ; завезъ далеко въ лѣсъ, вынулъ изъ за пояса ножъ и сталъ точить. «Что ты дѣлать собираешься?» спрашиваетъ царевна. — «Ножъ точу, тебя рѣзать хочу! Скажи отцу, что я змѣя побѣдилъ, тогда помилю». Устрашилъ красную дѣвицу, поклялась говорить по его словамъ. А эта дочь была у царя любимая; какъ увидѣлъ ее царь живою, ни въ чемъ невредимою, захотѣлъ онъ водовоза жаловать—выдать за него замужъ меньшую царевну. Пошелъ про то слухъ по всему государству. Узналъ про то Иванъ-солдатской сынъ, что у царя свадьба затѣвается, и пошелъ прямо во дворецъ; а тамъ пиръ идетъ, гости пьютъ и ѣдятъ, всякими играми забавляются. Меньшая царевна глянула на Ивана-солдатскаго сына, увидала на его мечѣ свой дорогой платочекъ, выскочила изъ-за стола, взяла его за руку и стала отцу доказывать: «государь-батюшка! вотъ кто избавилъ насъ отъ змѣя лютаго, отъ смерти напрасныя; а водовозъ только зналъ ножъ точить да приговаривать: я-де ножъ точу, тебя рѣзать хочу!» Царь разгнѣвался, тутъ-же приказалъ водовоза

повѣсить, а царевну выдалъ за мужъ за Ивана-солдатскаго сына, и было у нихъ веселье великое. Стали молодые жить поживать да добра наживать.

Немного прошло послѣ этого времени, и вотъ что съ Иваномъ-солдатскимъ сыномъ приключилося.

Поѣхалъ онъ разъ на охоту, и попался ему олень быстроногой. Иванъ-царевичъ ударилъ по лошади и пустился за нимъ въ погоню; мчался-мчался и выѣхалъ на широкій лугъ. Тутъ олень съ глазъ пропалъ. Смотритъ Иванъ, и думаетъ, куда теперь путь направить? Глядь — на томъ лугу ручеекъ протекаетъ, на водѣ двѣ сѣрыя утки плаваютъ. Прицѣлился онъ въ нихъ, выстрѣлилъ и убилъ пару утокъ; вытащилъ ихъ изъ воды, положилъ въ сумку и поѣхалъ дальше. Ъхалъ-ѣхалъ, увидалъ бѣлокаменные палаты, слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ столбу, и пошелъ въ покои. Вездѣ пусто — нѣтъ ни единого человека, только въ одной комнатѣ печь топится, на шесткѣ стоитъ сковородка, на столѣ приборъ готовъ: тарелка и вилка съ ножомъ. Иванъ-царевичъ вынулъ изъ сумки утокъ, оципалъ, вычистилъ, положилъ на сковороду и сунулъ въ печку; зажарилъ, поставилъ на столъ, рѣжетъ да кушаетъ. Вдругъ, откуда-ни возмись — является къ нему красная дѣвица — такая красавица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, и говоритъ ему: «хлѣбъ-соль, Иванъ-царевичъ!» — «Милости просимъ, красная дѣвица! Садись со мной кушать». — «Я бы съѣла съ тобой, да боюсь: у тебя конь волшебной». — «Нѣтъ, красная дѣвица! не узнала; мой волшебный конь дома остался, я на простомъ пріѣхалъ». Какъ услышала красная дѣвица, тотчасъ нача-

ла дуться, надулась и сдѣлалась страшною львицею, разинула пасть и проглотила царевича цѣликомъ. Была то не простая дѣвица, была то родная сестрица того змѣя, что побить былъ Иваномъ-солдатскимъ сыномъ.

И случилось такъ, что около того же времени вздумалъ Иванъ-царевичъ про своего брата, вынулъ платокъ изъ кармана, утерся, смотритъ—весь платокъ въ крови. Сильно онъ запечалился: «что за притча!» Отпросился у жены и тестя, и поѣхалъ на своемъ богатырскомъ конѣ розыскивать брата Ивана. Близко-ли-далеко, долго-ли-коротко, прїѣзжаетъ въ то самое государство, гдѣ его братъ проживалъ; спросилъ про все и узналъ, что поѣхалъ-де царевичъ на охоту да такъ и сгинулъ—назадъ не бывалъ. Иванъ той-же самой дорогою поѣхалъ охотиться; попадаетъ и ему олень быстроногий. Пустился богатырь за нимъ въ погоню; выѣхалъ на широкой лугъ—олень съ глазъ пропалъ; смотритъ на лугу ручеекъ протекаетъ, на водѣ двѣ утки плаваютъ. Иванъ-солдатской сынъ застрѣлилъ утокъ, прїѣхалъ въ бѣлокаменные палаты и вошелъ въ комнаты. Вездѣ пусто, только въ одной комнатѣ печь топится, на шестѣ сковородка стоитъ. Онъ зажарилъ утокъ, вынесъ на дворъ,—сѣлъ на крылечкѣ, рѣжетъ да кушаетъ. Вдругъ является передъ нимъ красная дѣвица: «хлѣбъ-соль, доброй молодецъ! Зачѣмъ на дворѣ кушаешь?» Отвѣчаетъ Иванъ-солдатской сынъ: «да въ горницѣ неохотно; на дворѣ веселѣй будетъ! Садись со мной, красная дѣвица!»—«Я бы съ радостью сѣла, да боюсь твоего коня волшебнаго».—«Полно, красавица! Я на простой лошаденкѣ прїѣхалъ». Она съ дуру и повѣрила, и начала дуться, надулась страшною львицею и только хо-

тѣла проглотить добраго молодца, какъ прибѣжалъ его волшебный конь и обלאпилъ ее богатырскими ногами. Иванъ-солдатской сынъ обнажилъ свою саблю острую и крикнулъ зычнымъ голосомъ: «стой, проклятая! Ты проглотила моего брата Ивана-царевича? Отдай мнѣ его, не то изрублю тебя на мелкія части». Обернулась львица красной дѣвицей раскрасавицей, просить-молить: «пощади меня, добрый молодецъ! Возьми съ полки двѣ сулеи—съ водой цѣлющей да живущей — поди за мною въ подполье, оживи своего брата».

Пошелъ Иванъ-царевичъ въ подполье за дѣвицей — видитъ братъ его тамъ лежить на части изтерзанъ.... Взбрызнулъ брата цѣлющей водою — плоть-мясо срастаются; взбрызнулъ живущей водою — братъ всталъ и говоритъ: «ахъ, какъ же я долго спалъ!» Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: «вѣкъ бы тебѣ спать, еслибъ не я!» И поѣхали братья во дворецъ, сотворили трехдневный пиръ; послѣ попрощались: Иванъ-солдатской сынъ остался у своей супруги и сталъ съ нею поживать въ любви, въ согласіи, въ долголѣтнемъ счастіи. А Иванъ-царевичъ въ свое государство вернулся, на пути-на дорогѣ со мною столкнулся, три дни со мною пилъ да гулялъ—всю эту сказку мнѣ рассказалъ.

